

и только въ послѣднее время его книги обратили па себя общее вниманіе и нашли себѣ восторженныхъ поклонниковъ. Одинъ изъ нихъ—эту цитату приводитъ г-жа Чеботаревская въ своей вступительной статьѣ—говоритъ про своего любимаго поэта: „Мультатули олицетворялъ собою вѣчное стремленіе человѣка къ свободѣ и протестъ противъ стѣсненій съ такою силой, которая грозитъ сорвать крышки съ переделтовъ его книгъ“. Въ самомъ дѣлѣ, его своеобразныя страницы производятъ впечатлѣніе живыхъ существъ; въ нихъ мало сочиненнаго, нѣтъ литературы, и предъ вами трепещетъ, обнаженная, сама душа поэта. Онъ беретъ простыя линіи: анекдотъ, притчу, сказку и все это углубляетъ и въ полетѣ мысли возноситъ на небывалую высоту. И характерно для него, что какову бы форму онъ ни избралъ для своего разсказа, онъ всегда разговариваетъ—не только со своей возлюбленной Фэнси (Фантазіей), но и съ вами, читателемъ. Въ немъ есть какая-то симпатичная развязность, и онъ сейчасъ же дѣлается вашимъ другомъ. Всѣ его произведешя — діалогъ. Авторъ сразу проводитъ естественную нить между собою и своей публикой, участія которой онъ ищетъ для своей творческой работы. Это писатель-собесѣдникъ. Не довольствуясь безмолвной аудиторіей, онъ васъ тревожитъ, волнуетъ, и вы идете за нимъ, и вмѣстѣ съ нимъ возмущаетесь всѣми этими торговцами кофе и сахаромъ, которые невыносимы для его свободной, чуткой и нервной души. Люди-торговцы, люди-плантаторы,—онъ ихъ ненавидитъ, потому что онъ органически не переноситъ власти, порабощенія. Это—анархистъ, самый чистый и свѣтлый въ своемъ тяготѣніи къ безвластію. Единственная сила, которой онъ радостно подчиняется, это—любовь, неутомимая любовь, и она горячимъ ключомъ бьетъ изъ его сердца. Прочтите, напримѣръ, чудный разсказъ „Морская болѣзнь“, и вы увидите, какъ солнце любви отражается для Мультатули въ малой каплѣ. Пассажиръ уступилъ бѣдной дамѣ, въ холодную майскую ночь стывшей на палубѣ,—уступилъ уютную койку въ каютѣ: повидимому, это не такъ необычно, это простая учтивость, но Мультатули увидѣлъ въ этой добротѣ вѣчное добро, въ услугѣ замѣтилъ общеніе сердца съ сердцемъ и этимъ вызвалъ въ читателѣ умиленное, отрадное настроеніе. И оно же сопутствуетъ вамъ, когда вмѣстѣ съ писателемъ вы, замирая отъ волненія, слѣдите за другой молодой женщиной, которая въ игорномъ домѣ мечтаетъ безумно-счастливымъ выигрышемъ спасти разорившагося мужа; казалось бы, игорный домъ и играющая женщина—моменты, для умиленія не подходящіе, но у Мультатули это не такъ, и вы счастливы, что героиня выиграла. Надо сказать, что Мультатули вообще ласково и любовно слѣдитъ за женщиной, зоветъ къ ея освобожденію; она словно его протеже, и въ немъ женщина имѣетъ пламеннаго защитника.

Эта любовь, которой дышитъ его книга, не исключаетъ у Мультатули язвительной ироніи, такъ что никогда вы не получаете впечатлѣнія прѣсноты. Въ книгѣ что-то пѣнится, сверкаетъ, звенитъ (все это очень хорошо передано въ русскомъ переводѣ г-жи Чеботаревской). Иронія и паеость, насмѣшливость и иѣжность сплетаются въ одно живое цѣлое, и вы дочитываете Мультатули съ ощущеніемъ возросшей, обогатившейся, усиленной души. Новымъ блескомъ вспыхиваютъ потускнѣвшія было краски человѣчности; новая, истинная книга появилась въ мировой библіотекѣ.

Ю. А.

Алексѣй Ремизовъ. Посолонь. М., 1907 г. Изд. журнала „Золотое Руно“. Г. Ремизовъ—начинающій писатель. Думается, что его

главное значеніе и цѣнность заключается въ его духовномъ сродствѣ съ міромъ славянской мѣоологии. Онъ самъ—мѣоотворецъ, и всей свѣжестью и хмелемъ природы, всѣмъ неразуміемъ и мудростью народной души вѣтетъ отъ его прекрасныхъ сказокъ. Обрядности, повѣрья, привороты, заклинанія,—все это для него еще живо и несомнѣнно.

Да и сказки ли это? За исключеніемъ трехъ-четырехъ, являющихся пересказомъ знакомыхъ намъ съ дѣтства мотивовъ, это еще не связанные старухой-няней въ зимній вечеръ раскиданные въ природѣ голоса, это „нашепты, пущенные по вѣтру Шандыремъ-Шептуномъ“, это отзвуки изъ того времени, когда еще не размежевалась, не раздѣлилась природа, а все жило вперемежку и дружно, и каждое слово было образомъ, и каждый образъ былъ сказкой. Это было, когда „куликъ приносилъ изъ-за моря золотые ключи, замыкалъ холодную зиму, отмыкалъ землю и выпускалъ изъ неволя воду, траву, теплое время, и „солнце выходило изъ хрустального терема нарядное—въ красной шубкѣ и парчевой шапочкѣ“ и „царь-лѣсъ гудѣлъ по ночамъ весь въ звѣздахъ“, а „ильинскій олень, примчавшись съ горки на горку, съ ветлы до ветлы, окуналъ рога въ рѣчкѣ,—и становилась вода холоднѣе“.

Все это рассказано языкомъ, въ которомъ каждое слово *подлинно* въ своей старинности, но именно потому нерѣдко чуждо современному слуху, —языкомъ, въ которомъ каждое слово неперемѣстимо и неизбѣжно. Можетъ быть, многое здѣсь носить явный отпечатокъ фольклора; но привлекаетъ въ авторѣ самое восполненіе и восхваленіе русской рѣчи, какое-то святое блюденіе ея и послушаніе ей. Ибо она сама, вѣщая, творить, сама слагается въ мѣѣ, а онъ только вѣрный слушатель ея и посредникъ. Правда, обиліе и диковинность древне-русскихъ, старо-обрядческихъ, народныхъ, мѣстныхъ (преимущественно приволжскихъ) выраженій вначалѣ затрудняютъ чтеніе, но усвоивъ себѣ забытое или вновь узнанное, чувствуешь свою причастность къ стихіи славянского духа. И во всякомъ случаѣ словарь русской литературы Ремизовъ уже щедро обогатилъ.

„Посолонь“ это—хожденіе по солнцу, „посолонное“—четыре времени года, и каждое рождаетъ свои страхи и радости. Ранней весной „бѣленькій монашекъ ходитъ по домамъ“ и разноситъ первыя зеленыя вѣточки, и цвѣты весной „играются въ красочки“. А въ „лѣто красное“, „алатырное жито и серебряные овсы раскинулись вдаль и вширь, неоглядные, обонли лѣса и овраги, заняли округъ небесную синь и потонули въ жужжаньи и сыти дожатвенной жажды“. „Дикая кошка—желтая иволга унесла на клювѣ вечеръ за шумучій боръ, и теплыми звѣздами опрокинулась надъ землей чарая купальская ночь“. И чего только тутъ нѣтъ! И „зарытые клады выходятъ изъ-подъ земли на свѣтъ посмотрѣть“, и „лѣшій крадетъ дороги въ лѣсу“, а на рѣкѣ „тихой поплыней плывутъ двѣнадцать грѣшныхъ дѣвъ“. А вотъ и „Осень темная“. Бабье лѣто. „Унесъ жаворонокъ время. Занываетъ полное сердце—пойти постоять за ворота“. „Скрипятъ ворота, грѣкаютъ дверьми—запираетъ Егорій вплоть до весны небесныя ворота. Тамъ катается по сѣнямъ послѣднее времячко, послѣдній часокъ“. „Мать по темному не поступить, вернетъ теплое время. Сотлѣло сердце чернѣй земли... Вернитесь! И звѣзды вбиваются въ небо, какъ гвозди—падаютъ звѣзды“.

Такова эта роскошь мѣоотворчества, такъ свѣжо и стихійно звучитъ эта пышная „Посолонь“!

А. Герцманъ.